

—Поскольку вы внезапно бросились к поместью Нордвант, я подумал, что вы действительно пытаетесь перелезть через стену, сэр. Конечно, это само по себе является проблемой. Но потом вы начали разговаривать со стеной.

Когда Карлайл уставился на него, Михаэль дерзко пожал плечами.

—Из всех мест мы находимся перед кладбищем. Такое чувство, что вас могли околдовать призраки. Только когда вы взяли леди за руку, я наконец увидел, что там действительно кто-то стоит!

Карлайл бросил взгляд на стену особняка, поднял бровь и сжал кулак, казавшись глубоко задумавшимся.

—... Или, возможно, леди на самом деле была призраком?

Добавил Михаэль.

—Это была леди Роэнгрин.

Карлайл тихо пробормотал: 'Однако я не знаю, почему она была одна в таком месте'.

Затем Михаэль просил потрясенным голосом.

—Л-леди...Роэнгрин? Дочь маркиграфа Нордванта?

—Если я не узнаю такую замечательную красавицу, это бросит пятно на мою репутацию бернского распутника.

Карлайл небрежно ответил, наступив на увядший нарцисс. Нахмурившись, Михаэль рассказал о недавних событиях. Карлайл взял ее за руку, а затем...

Он не мог не выразить свое раздражение.

—Вы в своем уме, сэр? Мы даже не можем назначить окончательную дату судебного разбирательства из-за маркиграфа Нордванта, и все же, почему вы сейчас устраиваете такой переполох из-за драгоценной дочери маркиграфа! Даже если бы вы вели себя настолько прилично, насколько могли, этого было бы недостаточно!

—Зачем мне это?

Конечно, Карлайлу было все равно. Он обогнул стену и направился к фасаду поместья Нордвант.

—Почему я должен прилагать усилия, чтобы хорошо выглядеть? Отец и дядя в любом случае оба высокомерные, ограниченные люди. Сомневаюсь, что яблоко от яблони далеко укатится. Повезло, что я не потерплю оскорблений.

—...

—Даже если бы я был вежлив, это не произвело бы хорошего впечатления. Я бы предпочел играть в соответствии со своей ролью игрока, чем впустую выслушивать оскорбительные слова.

—К сожалению, она не может говорить.

—Обязательно ли ей говорить, дабы высказать свою точку зрения?

Карлайл указал на уголок своего глаза указательным пальцем. Михаэль снова возразил.

—Казалось, что она просто хотела поскорее уйти... Но, в конце концов, разве вы не спровоцировали ее первым?

—Верно. Это была просто маленькая шутка.

Все это время Карлайл просто нес чушь, подтвердил он свежим тоном. Михаэль, который перестал следовать за ним, глубоко вздохнул, как будто потерял всякую надежду.

—Что за ужасная привычка.

—Снова.

Карлайл усмехнулся и огляделся за главными воротами поместья Нордвант, вспоминая лицо женщины, виденное ранее. Когда он вспомнил это бледное лицо с заметно ухудшающимся цветом, его первой мыслью было, почему она здесь.

До этого момента он, возможно, был готов проводить ее до главных ворот. В конце концов, это правда, что ему пришлось завоевать Нордвант, как упоминал ранее Михаэль.

Затем... Карлайл бессознательно провел языком по губам. Эту женщину он видел всего несколько раз, и каждый раз ее взгляд был тупым, бесчувственным.

Она обычно сидела в углу банкетных залов, как кукла, с плотно сжатыми губами, наблюдая за людьми отсутствующим взглядом, ее мысли были тайной для всех. Вот и все.

Люди, которых окружали многочисленные похвалы, люди, которые плохо вели себя в состоянии алкогольного опьянения, люди, которые были вовлечены в шумные споры за карточными играми, и даже люди, оказавшиеся в эпицентре инцидента, когда Жюльен услышал слухи и накричал на герцога.

Ни одна из этих вещей не создавала ряби в глубоких фиолетовых озерах ее глаз. Иногда взгляд в эти безжизненные глаза пробуждал в нем маленькую искорку любопытства.

Будут ли ее глаза выглядеть так же, когда они посмотрят на меня?

По иронии судьбы, он ни разу не встретился взглядом с этой женщиной. Уважаемая дочь дома Нордвант никогда не посещала светских раутов. Не то чтобы сам Карлайл не мог ступить ногой в такие места.

Самое большее, что он мог сделать, это ответить на зов Жюльена и вскоре удрать, как крыса. Даже тогда, после того, как он передал то, что хотел этот человек, ему пришлось снова отступить в тень.

Только после окончания войны и получения титула он мог без стыда входить и выходить через главные ворота любого заведения или благородного особняка. Однако именно в это время женщина начала отходить от общественной деятельности.

В конце концов, нашлось много других вещей, которые занимали его ум и требовали его внимания. Небольшое любопытство, которое он сдерживал тогда, не в силах найти ответ, быстро угасло.

Так же быстро, как Карлайл узнал эту женщину, он также быстро почувствовал, что она узнала его. В одно мгновение любопытство, о котором он совсем забыл, внезапно вспыхнуло с новой силой.

Каким она меня видит?

Он неосознанно пристально вглядывался, чтобы ничего не пропустить. В этот момент он смог различить несколько эмоций, промелькнувших в этих глазах.

Замешательство, любопытство, настороженность.

И легкое презрение.

Карлайл признался себе, что был довольно импульсивен. Когда он посмотрел в эти глаза, его охватила странная прихоть.

Он не мог объяснить, почему он это сделал. Это ничем не отличалось от того, что он получал так много раз с тех пор, как был брошен в замок Хенвальде рукой герцога.

Пробормотал Карлайл, засовывая руку в карман.

— Не похоже, что здесь собралась вся семья Нордвант.

Огромный двор столичного поместья был устрашающе тих. Карлайл легонько провел пальцем по нетронутым железным воротам. Ворота никто не охранял, и, несмотря на то, что он стоял там открыто, никто не вышел.

Это было далеко от строгой бдительности Анонкурна Гидеона. Даже старый особняк Винбергенов, где долгое время отсутствовал владелец, все еще содержался, по крайней мере, с минимальным количеством сотрудников службы безопасности.

Однако эта тихая сцена не совсем создавала атмосферу легкой добычи. Вместо этого, она излучала атмосферу...

Высокомерия.

— О чем вы так глубоко задумались?

— Почему драгоценная благородная леди, которая должна быть в белом замке, находится здесь?

Карлайл ответил, не оборачиваясь, и Михаэль ответил безразличным тоном.

— Приближается новогодний бал. Людям с Севера пора приезжать.

— Одна, без сопровождения?

Карлайл повернулся к нему и постучал пальцами по калитке.

— Как ты думаешь, это похоже на особняк, готовый приветствовать своего хозяина? Особняк, который выглядит таким же надменным и снобистским, как особняк Винбергенов?

— Что ж, это правда, но...

Карлайл с задумчивым выражением лица смотрел во двор. Женщина, которая приехала в Берн одна, без сопровождения или служанок. Чрезмерно холодные стены и увядшие цветы, окружающие ее. Странная энергия, которая, казалось, исходила от священной силы, густо окутывающей женщину. И безмолвный особняк.

Несколько лет назад безмолвный 'Нордвант'...

—Ты сказал, что раньше у стены никого не было, верно?

—Там никого не было.

—Клянешься ли ты Рекой Забвения?

—Вы просите меня принести присягу по такому тривиальному поводу?

Михаэль поворчал, но неохотно согласился, и губы Карлайла сложились в довольную улыбку, когда он отвернулся, все его лицо светилось восторгом.

—Что за выражение у тебя на лице?

Михаэль отступил назад с раздосадованным выражением лица. Карлайл усмехнулся.

—Кажется, я только что наткнулся на довольно интересный секрет.

Равнодушно добавил он, проходя мимо своего помощника.

—Это не тот разговор, который следует вести на улицах. Давай вернемся.

* **

Шестой округ Берна был коммерческой зоной, посещаемой в основном низшей знатью и рыцарями четвертого и пятого округов. У крупных дворян, таких как Роэнгрин и Дитрих, редко были причины приходить в этот район.

«Итак, он, должно быть, что-то здесь прячет».

По правде говоря, это был первый раз, когда нога Роэнгрин ступила в шестой округ.

Маленький дух в форме птицы вернулся к Роэнгрин и закружил вокруг нее. Она последовала за ним, широкими шагами направляясь на восток.

В конце ряда домов с цветочными клумбами перед ними — такими маленькими, что и называть их клумбами было бы неловко, — возвышался величественный особняк.

Оно было окружено высокими стенами со всех сторон и имело искусно украшенные железные ворота. Роэнгрин заметила, что это и было местом ее назначения.

Когда она остановилась перед воротами, дух подошел совсем близко и потянул ее за одежду. Он указал ей следовать за ним, и там был задний вход для слуг.

«Как я погляжу, неплохая обстановка».

Роэнгрин холодно ухмыльнулась и толкнула дверь. Однако, как только она увидела, что внутри, ее саркастическая улыбка исчезла. Между кустами, окружавшими стены, стояли пять ламп,

питавшихся магической силой.

«Зачем размещать магические лампы в доме простой дочери виконта?»

Дворяне вообще размещали такие вещи в своих садах? В декоративных целях, для простого дома художника?

Роэнгрин подошла к ближайшей лампе и открыла крышку. Вскоре она обнаружила внутри волшебный камень, светящийся белым пламенем.

Она осмотрела камень, прищурившись. Это был мерцающий черный камень. Он принадлежал Нордванту.

Во владениях дома Гидеон, Ротовальд, не было ни плодородной почвы, ни волшебных камней, и именно поэтому герцог устроил помолвку своего сына с Роэнгрин — это было сделано специально для получения доли в рудниках Нордванта по добыче волшебных камней.

Роэнгрин посмотрела на камень стальным взглядом, затем сжала его в руке.

«Я передавала это не для того, чтобы им пользовались в таком месте, как это».

В одно мгновение волшебный камень быстро лишился своей силы, из-за чего рассыпался на куски. Она взмахнула рукой, чтобы удалить оставшуюся пыль.

Роэнгрин прошла мимо сада, усыпанного множеством ярких цветов, затем направилась ко входу в особняк.

Перед ней стояла белая береза. Ее случайный взгляд зацепил что-то на грубой коре.

Гравюры в виде гребня, даты возле каждой строки и имя 'Винсент'. Это была запись роста ребенка.

Роэнгрин подняла бровь и подошла к двери. Она отменила магию сокрытия и положила руку на дверную ручку. Приближалось празднование Нового года, и для нее это было подходящее время приехать в Берн. Прошло четыре недели с тех пор, как Дитрих посетил Нордвант, так что времени было достаточно.

Если бы она позвала Герту и Ленерт и попросила их тайно прийти сюда на рассвете...Роэнгрин взялась за дверную ручку и легонько постучала по ней пальцами. Ее глаза, до этого погруженные в раздумья, стали спокойными и собранными.

Или, возможно, ей следует вернуться в замок и сообщить своему отцу об этом деле? Или ей следует просто встретиться лицом к лицу с Дитрихом прямо здесь, дав ему понять, что она уже все знала?

Спустя долгое время, приняв решение, она твердо взялась за дверную ручку.

Тук, тук, тук.

Раздался тяжелый металлический стук по дереву.